

Ляля
Либерман

ФИКТИВНЫЙ БРАК

РАБОТА НА ДОВЕРИИ

18+

Ляля Либерман

**Фиктивный брак.
Работа на доверии**

«Автор»

2026

Либерман Л.

Фиктивный брак. Работа на доверии / Л. Либерман — «Автор», 2026

Звонок среди ночи. Голос, которого не может быть. Кодовое слово, которое он не произносил двадцать лет: «Ачучуква спешит к Кроказябре». Игорь Бронников, холодный и расчётливый миллиардер, срывается в прошлое — в детдом, к Паленой Скумбрии, и тайне. Там его ждёт Мишель. Девушка с ирокезом, пирсингом и флешкой, за которой охотятся люди без лица. Единственный способ спастись, фиктивный брак. Она не хочет быть спасённой. Он не привык объяснять свои мотивы. Это не сделка. Судьба. Так ее раз так. «Ачучуква спешит к Кроказябре» — история, как хаос учит порядок быть живым. Два одиночества находят друг друга в мире, где нельзя доверять никому. И настоящая семья — для тех, кто ещё верит, что можно собрать осколки и построить из них дом.

© Либерман Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. ЗВОНОК ИЗ ПРОШЛОГО	5
Глава 2. ПАЛЕНАЯ СКУМБРИЯ	9
Глава 3. ПАНК И МИЛЛИАРДЕР	13
Глава 4. Свадьба как операция	17
Глава 5. ПАНК В ЗАМКЕ	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ляля Либерман

Фиктивный брак. Работа на доверии

Глава 1. ЗВОНОК ИЗ ПРОШЛОГО

Он спал на правом боку. Лицом к окну. Это была привычка, которую он не мог объяснить. За спиной — пустая половина кровати, холодная и нетронутая. Он никогда не просыпался по ночам. Тело работало как часы. Пять утра подъём, семь минут душ, чёрный кофе. Потом офис, переговоры, цифры, контракты. День за днём, год за годом. Никаких сбоев. Но в эту ночь сбой случился.

Телефон завибрировал на тумбочке.

Не зазвонил, а именно завибрировал. Коротко, настойчиво. Игорь открыл глаза мгновенно, без фазы пробуждения. В темноте горел только экран. Белый прямоугольник посреди чёрной спальни. Он протянул руку, взял трубку. Мелькнула мысль: три часа ночи. Никто не смел его беспокоить. То есть вообще—никто. Кроме ...

Три человека в мире могли звонить ему в любое время. Мать. Личный помощник, если случилось что-то катастрофическое. С делом его жизни. И Скумбрия. Остальные — даже топ-менеджеры — сначала проходили через охранников, систему фильтров и секретаря. Безрезультатно. Мир Игоря Бронникова был построен так, чтобы его не беспокоили. По пустякам. Время стоило денег. Покой стоил ещё дороже.

Но на экране не было ни номера.

Только россыпь точек и тире, которая бежала строкой, мерцала, исчезала, появлялась снова. Он не узнал этот код. Не понял, что это. Подумал сначала: ошибка сети, сбой у оператора. И даже слегка хохотнул. У него—сбой общей системы. Смешно. Хотел сбросить звонок, но палец замер. Что-то остановило. Какое-то древнее чувство, которое он похоронил ещё в детстве. Чуйка. Нажал «ответить» и поднёс трубку к уху. Почти не сомневаясь, чей голос услышит. И поэтому не хотел, чтоб колкие фразы разносились по всему этажу громкой связью. Хотя он и был совершенно один. Эта дама умела его зацепить. И в три часа ночи тоже. Она такая, молодец.

— Да, мама, что случилось? — произнес он совершенно чистым голосом. Как и не спал.

Тишина. Потом щелчок. Затем — птичьи трели. Высокие, тонкие, как звук навигатора, потерявшего спутник. Следом железный скрежет, кто-то водил металлическим стержнем по алюминиевой трубе. Игорь чуть отшатнулся и нахмурился. Подумал даже о продвинутых хулиганах. Отчаянных, в своих попытках достать и взломать его систему. Возможно, кто-то из сотрудников колл-центра разошелся не на шутку и активировал красную кнопку вызова или подросток попал к нему методом тыка и пьяной удачи. Но этот сигнал... он не был похож на обычный телефонный шум.

И тогда он услышал голос.

Тихий. Задыхающийся. Почти неузнаваемый. Призыв человека, которого уже много лет не было на Земле. А вот голос был. Говорил понятные им слова с отчаяньем, явно перед тем, как упасть.

— Ачучуква спешит к Кроказябре.

Игорь замер. Тело перестало слушаться.

Он сидел на кровати, телефон у уха. Сердце вдруг сделало то, чего не делало много лет. Замерло. На миг. Он задохнулся. Кровь ударила в голову. Слава богу, прошло. Потом ещё раз. Холодный ужас разлился по телу. Сковал плечи, мышцы груди, докатился до живота. И застыл где-то в подреберьях.

Он узнал этот голос. Слова красной полосой вспыхнули в его глазах. Двадцать лет призыв пылился в самой дальней комнате его памяти. Слова были заперты на ключ. Забытые, вычеркнутые, вытравленные из каждой клетки. Он не произносил их вслух ни разу. Даже в мыслях не повторял. Похоронил вместе с тем, кому они принадлежали. И оплакал. Навеки.

Голос продолжал, перекрываемый помехами. Слова падали обрывками, сквозь треск и шипение, как радиопередача с того света.

— Вытащи Мihu... Быстрее. У Паленой Скумбрии. Спрячь. Женись. Придумай что-нибудь. Я не могу...

Звонок оборвался.

В трубке было пусто. Та тишина, которая бывает только после обрыва связи. Не гудки и шум, а вакуум. Связь разорвали абсолютно и отрезали навсегда. Как вызов с того света. Игорь смотрел на экран телефона. Точки и тире исчезли. Номер не определился. Входящий вызов исчез из списка, будто его никогда не было. Только будильник показывал 3:17.

Он не мог дышать. Сидел неподвижно, сжимая трубку в руке, и смотрел в одну точку. Грудная клетка сжалась. Внутри — пустота и холод. Не тот, к которому он привык. Другой. Ледяной ужас, сковывающий позвоночник, заставляющий пальцы трестись.

«Ачучуква спешит к Кроказябре».

Это была их с Братиком тайна. Детская бессмыслица. Кодовые имена, которые они придумали на крыше детдома. Когда поклялись на крови. Как Гойко Митич и Дин Рид. Из старого-престарого. Еще ГДР-овского фильма. Про индейцев и верность через кровь. Ему было одиннадцать. Братiku — двенадцать. Они сидели на ржавом парапете, свесив ноги и рискуя свалиться. Смотрели в ночное глухо-синее небо и говорили о том, как сбегут. Вместе. Навсегда. И Братик сказал: «Если когда-нибудь попадем в беду, скажем пароль. Только наш. Только друг для друга. И ты поймёшь, что это я. А я—что это ты.». Никто не смеялся. Они верили в беду. Мальчишки, осиротевшие внезапно и навсегда. Мальчишки, из приличных семей. Внезапно вместо теплых квартир, оказавшиеся на детдомовской крыше без возможности вернуться назад.

Он, Игорь Бронников и Братислав (позднее Братик) Власов оказались в детдоме одновременно. Оба странные, не заброшенные дети. Волею судеб оказавшиеся никому не нужны.

У Игоря погибла вся семья в туристическом лагере, во время схода лавины. А про Братика и вообще все было не понятно. Братик рассказывал скупое. Родители работали за границей. Он жил с теткой, сестрой матери. Сначала принесли письмо, в котором родители умоляли сейчас же уехать в дальнюю заброшенную деревню. Откуда мать и тетка родом. Но тетка засомневалась, начала тянуть время. А потом пошла за хлебом и исчезла. Совсем. И в течение суток, сначала квартиру перерыли так, что живого места не осталось. А потом, незнакомые люди в темной странной форме опечатали квартиру, а его доставили в детдом. Никто ни на какие вопросы не отвечал. И все.

Так они, еще вчера, два мальчика из приличных и благополучных семей, стали детдомовскими друзьями. Никогда не верил, что Братик может попасть в переплёт. Он был сильным и смелым. Братик был тем, кто прикрывал его спину. Всегда.

И даже в верности и дружбе клялись на крови. На крыше. За что и были биты лично директрисой. Полиной Андреевной Скумбориносной. Чрезвычайно могущественной, злобной и совершенно бесстрашной представительницей управленцев старой гвардии. Которая не боялась ни черта, ни ладана. И перла по прямой, сносила все на своем пути. Быстро меняющееся местное городское и областное начальство с нее пылинки сдувало и всячески поддер-

живало. Такой ценный кадр. «Гвозди бы делать из этих людей», -- говорил классик. И был бесконечно прав.

Позднее Игоря усыновила семья скромных инженеров из НИИ, которые вдруг в Перестройку стали очень удачными предпринимателями. И Игорь пошел по стопам своего приемного отца и приумножил капитал. А потом и вообще развернулся не на шутку. И преуспел. Отец умер, сердце не выдержало. А приемная мать до сих пор рулила, помогала Игорю, чем могла. В самых деликатных историях. Отчаянная, плюющая на возраст и предрассудки, светская львица, не признающая авторитетов.

А Братика внезапно нашел дядя, по отцу. И он надолго скрылся из глаз. Стороной Игорь слышал, что Братик неожиданно закончил институт международных отношений. И улетел к месту службы в дружественную Африканскую страну. Вот только самолет не приземлился в указанном аэропорту. По предварительной версии, упал в океан. Тела не нашли. Обломки самолёта — да. Список погибших — да. Свидетельства очевидцев, которые видели, как лайнер упал в океан, — да. Но тел не было. Никаких следов. Только официальное заключение: «Погиб при исполнении служебного долга». Пустой гроб. Похороны. И тишина, которая длилась двадцать лет.

Он опустил телефон на одеяло. Руки тряслись. Не мог это контролировать. Сел на край кровати, обхватил голову ладонями и попытался выровнять дыхание. Не получалось. Воздух не шёл в лёгкие. Только хрип, комок в горле, который мешал говорить.

Он поднял голову, посмотрел на изящную дизайнерскую прикроватную подставку. Для одного бокала вина или чашки кофе. Там, в чёрной рамке, стояла фотография. Два мальчика на крыше. Ржавый парапёт, серое небо, облезлая штукатурка. Один — темноволосый, худой, с серьёзным лицом. Второй — выше, улыбается, рука на плече друга. Игорь протянул руку, провёл пальцем по стеклу. Там, где были лица, стекло стало чуть тёплым от его прикосновения.

Он закрыл глаза и попытался вспомнить голос.

Да, это был Братик. Тот же тембр, та же хрипотца. Но взрослый. Уставший. Он говорил так, будто пробивался сквозь слой ваты. «Вытащи Миху». Кто такой, Миха? Он не знал. Никогда не слышал этого имени. «У Паленой Скумбрии». Скумбрия — это Полина Андреевна, директриса. Та самая, что прятала их по подвалам, когда приезжала проверка. Теперь странно, зачем? Рормила их печеньем и говорила: «Держитесь, пацанчики». Знала все их тайны и никогда не выдавала. «Спрячь. Женись. Придумай что-нибудь». Он не понял эти слова. Звучало как бред, помехи в голове умирающего человека. Женись?!

Но теперь он твердо знал одно. Братик был жив. Или был жив двадцать минут назад. И все это время, все двадцать лет, он следил за его жизнью. И, видимо, многое о ней понимал.

Игорь открыл глаза. Посмотрел на телефон. Ноль входящих. Нет ни одной записи. Можно распорядиться, чтобы проверили. А вот зачем? «Мне звонил человек, который погиб двадцать лет назад»? Вида не покажут, но примут за сумасшедшего. Будут иметь основания допускать мысль, что он, Игорь Бронников, чего-то там не выдержал. И дал слабинку. Ну уж нет.

Он встал. Прошёл к окну, щелкнул пальцем, раздвинулись тяжёлые портьеры. Город внизу горел огнями. Стекланные башни, бесконечные пробки даже в три часа ночи, мерцание вывесок. Миллионы людей, которые не знали, что он только что слышал голос очень мёртвого человека. Для него, самого лучшего человека из всех.

Игорь стоял у окна и смотрел на город. Минуту. Две. Мысли крутились в голове, по кругу: «Не может быть. Бред. Я сплю.». Но он не спал. Стоял босиком на мраморном полу. Чувствовал, как кровь стучит в висках, а сердце постепенно возвращается к нормальному ритму. Не мог успокоиться.

«Мне нужно вылететь. Срочно».

Он сказал это вслух, тихо, будто репетировал. Набрал номер помощника. Тот ответил сразу.

— Игорь Сергеевич?

— Вылетаем. Через час.

Почтительная пауза. Помощник никогда не переспрашивал.

— Направление?

— Тамбовская область. Точные координаты я скину.

— Понял.

Игорь повернулся к фотографии. Посмотрел на мальчика, который улыбался с чёрно-белого снимка. Не улыбнулся в ответ. Стоял и смотрел, как будто Братик мог сейчас открыть рот и сказать ещё что-то. Фотографии теперь можно оживлять. Вот только нельзя было оживить пацана на крыше, с распоротой стеклом ладонью. До крови. Для клятвы. Как и детство нельзя было вернуть. И слава богу!

Поездка не была командировкой. Скорее, экспедиция в прошлое. Туда, где он похоронил всё, что умел чувствовать.

Перед выходом он остановился у зеркала. Посмотрел на себя внимательно. Без симпатии. Седина на висках, круги под глазами, тень на лице. Он выглядел как человек, который только что пережил личное землетрясение. Так и было. Его мир — стерильный, холодный, управляемый — дал трещину. Звонок из ниоткуда. Голос из могилы. Детское кодовое слово, всплывшее через двадцать лет. Он не знал, что его ждёт там, в детдоме. Но знал одно: он должен ехать. И поедет. Чего бы это ему не стоило. И чем бы не закончилось.

Он взял фотографию с тумбочки и сунул её во внутренний карман. Пусть. Быстро вышел к лифту пентхауса. Не присел на дорожку. И не оглянулся.

Плевать. Пусть. Как-то так.

Глава 2. ПАЛЕНАЯ СКУМБРИЯ

Вертолёт шёл низко. Игорь смотрел вниз и не узнавал места. Дороги стали уже, деревья выше, деревень почти не осталось. Тамбовская область. Глубинка. Место, где он провёл самые горькие годы жизни и поклялся никогда не возвращаться.

Нарушил клятву.

Внизу мелькнуло серое пятно — здание детдома. Ничего не изменилось.

Сталинская архитектура, облезлая штукатурка, высокие окна с решётками. Двор пустой, только качели, наверное, скрипят на ветру. Игорь вглядывался в знакомые очертания и чувствовал, как внутри поднимается тяжесть. Здесь он научился выживать и встретил Братика. Впервые понял, что слово «семья» — это не кровь, а принадлежность.

Вертолёт сел на заасфальтированную площадку за спортзалом. Винты ещё крутились, когда Игорь спрыгнул на землю. Его встретила тишина. Детдом казался пустым. Ни детей во дворе, ни воспитателей у входа. Только запах хлорки, доносившийся из открытой форточки. Знакомый до тошноты.

Он вошёл через главный вход. Коридор был длинным, белым, с высокими потолками. На стенах — стенгазеты, лозунги, грамоты. Всё как тогда. Только выцвело сильнее. И фамилии с лицами на фотографиях были уже не знакомыми. Другими. Игорь прошёл мимо раздевалки, столовой, актового зала. Никто не останавливал. Его охрана осталась у вертолёта.

Кабинет директрисы находился на втором этаже. Игорь поднялся по скрипучей лестнице и остановился перед тяжёлой дверью. Постучал. Не услышал ответа. Толкнул дверь — она открылась.

Полина Андреевна сидела за столом. Прямая, как железный прут. Седые волосы собраны в строгий пучок. Серые глаза смотрели остро, цепко. Человек, который всё видит и ничего не забывает. На ней было тёмное платье с белым воротничком, на груди — брошь в виде стрекозы. Игорь помнил, что эта брошь — не просто украшение. Полина тоже не изменилась, только совсем высохла. Но глаза блестели на пергаментном лице.

Она не удивилась его приезду. Вообще никак не отреагировала. Будто он зашел из соседней комнаты, а не прилетел издалека.

— Здравствуй, Бронник, — проскрипела она. Голос низкий, спокойный.

— Здравствуйте, Полина Андреевна.

Она кивнула на стул перед столом. Игорь сел. Директриса сложила руки перед собой и посмотрела на него так, что стало неуютно.

— Ты не изменился. Всё такой же серьёзный. Небритый. Что, смотреть за тобой некому? Все ищешь ту самую? Или не берет никто?

— Вы не удивлены.

— А чему удивляться? — она пожала плечами. — Ты не первый, кто прискакивает на вертолёте. И не последний, скорее всего. Не дай бог, конечно.

Игорь нахмурился. Она говорила будто знала что-то, чего не знал он.

— Мне звонили. — он запнулся. Фраза звучала безумно даже для него. — Сказали: «Вытащи Мihu». У вас, Полина Андреевна.

У директрисы не дрогнул ни один мускул на лице. Только брошь блеснула в тусклом свете лампы.

— У Паленой Скумбрии, тебе сказали. А это я, — нехотя процедила она. — Так вы меня звали. Ты и Братик.

— Он сказал мне. Про Мihu и вас. По телефону.

— Братик мёртв, Бронник. Ты сам был на его похоронах.

Игорь сжал челюсти. Она знала. Она всегда всё знала. И сейчас она проверяла его, тянула время.

— Я узнал его. И, он назвал наши кодовые слова.

Директриса помолчала. Потом встала, подошла к стене и сдвинула картину «Утро в сосновом лесу». За ней оказался сейф — старый, советский, с круглой ручкой. Она набрала код так быстро, что Игорь не успел увидеть цифры. Внутри лежали папки, документы и несколько чёрных флешек. Она взяла одну, закрыла сейф, вернула картину на место.

— Идём, — брюзгливо сказала она. — Я покажу тебе, кого ты должен вытащить.

Она повела его вниз. По длинному коридору, опять мимо столовой и лестницы в подвал. Игорь шёл за ней и чувствовал, как прошлое наступает на пятки. Каждая трещина на стене, запах хлорки и тушеной капусты, с ароматом пригоревшего молока, напоминали о том, что он пытался забыть.

Подвал встретил их сыростью и холодом. Железная дверь хранилища, с кодовым замком. Новая, не такая, как в его детстве. Директриса набрала код, дверь открылась с лёгким шипением. За ней была тесная комната, обшитая чёрным войлоком.

Игорь шагнул внутрь и замер.

В углу, на топчане, сидела девушка. Нож в руке — не кухонный, а тактический, с чёрной рукояткой. Она держала оружие уверенно, не как игрушку. Чёрный ирокез стоял дыбом. Пирсинг в брови, в губе, в носу. На ней была косуха с шипами, чёрная футболка с надписью «The Exploited», тяжёлые ботинки Dr. Martens. Она враждебно смотрела на Игоря. Глаза — тёмные, почти чёрные, с вечными синяками под ними. Наверное, не спала сутками. Или годами.

— О, какого хрена ты так долго? — рявкнула она на старуху.

Голос хриплый, дерзкий. Никакого страха. Только раздражение и злость.

Игорь перевёл взгляд на директрису. Та стояла у входа, скрестив руки на груди. Наблюдала.

— Это Миха, — выплюнула она. — Мишель Де Грей. По матери, разумеется.

— Что это за место? — Игорь обвёл глазами комнату. — Бункер? Бомбоубежище?

— Убежище, — поправила Мишель. Она не встала, не убрала нож. — Я здесь живу. Восемь лет.

Игорь посмотрел на стены. Карта мира с булавками. Отметины — красные, синие, чёрные. Он не знал, что они означают. Почувствовал, что это не просто карта. Следы. Пути поиска. Или побега. Фотография на другой стене, женщина с рыжими волосами. Лицо перечёркнуто чёрным маркером.

Он даже не спросил, кто она. Черноволосая отчаянная фурия. И так было ясно.

— Дочь Братика. Она похожа. На него.

Директриса кивнула.

— Восемь лет назад привёз её сюда. Спрятать. Где никто не найдет. Детдом — самое неприметное место.

— Почему? — Игорь в растерянности повернулся к Мишель. — Почему он тебя прятал?

— Потому что меня искали, — она усмехнулась. — Наверное, до сих пор ищут. Ты такой тупой, миллиардер, сам не догадаешься? Мать была шпионкой. Он — тоже. Я — наследие. Боевое.

Она встала. Подошла ближе, остановилась в шаге. Нож всё ещё был в руке. Не угрожала. Просто держала его на виду. Игорь не дрогнул. Смотрел ей в глаза и видел Братика. Те же серые оттенки, кривоватая усмешка. И тот же огонь.

— Ты на него похожа, — выдохнув, повторил он.

— Ты на него тоже, — резко ответила она. — Только старше. И богаче. Выглядишь, как переваренный пельмень. Избаловался?

Игорь моргнул. Потом усмехнулся.

— Ноль ноль.

Мишель прищурилась. Она смотрела на него не как на врага, а как на что-то непонятное. Потом фыркнула и вернулась на топчан.

— Так, значит, ты тот самый Бронник. Братья по крови. И клятве.

— Да, — легко ответил Игорь. — Так уж случилось. По клятве. И по крови.

— Ага. Папа рассказывал о тебе. Говорил, что ты последний, кому можно верить.

Игорь почувствовал, как внутри что-то сжалось. Братик помнил его. Даже в аду, где он оказался.

— Он говорил со мной, — отрезал Игорь. — Сказал: «Вытащи Миху. Спрячь. Женись. Придумай что-нибудь».

Мишель замерла. Впервые на её лице появилось что-то кроме агрессии. Что-то похожее на надежду. Она быстро спрятала это, но Игорь успел заметить.

— Жив? — коротко спросила она. — Уверен?

— Я не знаю, где он и что с ним. Он сказал наш код. Только наш.

Мишель отвернулась. Посмотрела на карту, на булавки. Потом взяла с пола банку энергетика и сделала глоток.

— Восемь лет я здесь, — оглядывала стены закинув голову. — Восемь лет я жду, что кто-то придёт. А пришёл ты. Переваренный пельмень в дорогом костюме.

— Я пришёл не к тебе, — холодно одернул ее Игорь. — А выполнить клятву другу. Ты мне не интересна.

— Супер.

Директриса шагнула вперёд.

— У неё есть неделя, Бронник. Месяц назад здесь появились люди с восточноевропейскими акцентами. Расспрашивали о девочке с татуировками. Пока я от них отбилась, но надолго ресурсов не хватит.

— Люди картеля «Тихий Атлант», — вставила Мишель. — Ищейки. Они вынюхивают меня, чтобы добраться до отца. Вернее, до его наследия. Скоты.

Игорь повернулся к ней.

— А ты в теме?

— У меня есть информация. — Она коснулась флешки на цепочке у шеи. — Всё здесь. Папина работа. Мамина работа. Всё, что они собирали много лет. Что не устаревает. А с каждым годом только набирает вес. Люди не меняются. Но меняется их жизнь. Должности и чины, капиталы, свое собственное наследие. И для них многое из прошлого становится опасным.

— Не отдала это властям?

— Властям? — она засмеялась, коротко и зло. — Да они сами часть этой системы. Флешка страховка. Но, не единственное, что у меня есть.

Игорь посмотрел на директрису. Та застыла у входа. Ее лицо высохшей мумии не двигалось. Но взгляд её был красноречив: «Забери ее».

— Фиктивный брак, — решительно произнес Игорь, переводя взгляд на Мишель, — Ты становишься моей женой. Фамилия, ресурсы, статус — лучшая броня. Картель не тронет жену Бронникова. По крайней мере какое-то время.

Мишель подскочила с топчана.

— Хрен тебе! Женой жирного кобеля!

— Ты никто, — выдал он ледяным тоном. — У тебя нет денег, связей, защиты. Еще не известно, что у тебя с гражданством. Без меня тебя вычислят окончательно дней за пять. Убьют. И убьют всех, кто будет на твоей стороне. А среди них есть дорогие мне люди. Это не предложение, а сделка.

Она замахнулась банкой энергетика и швырнула в него. Лихо. Игорь поймал. Одной рукой. Даже не моргнул. Нашлась тут! Мать Драконов!

Мишель замерла. Глянула на него с насмешкой, но и чуть-чуть уважительно.

— Ты ловишь банки? — спросила она, невзначай.

— Ты кидаешься банками. Глупая, негодная девчонка. Я умею ловить.

Она села на топчан, закинула ногу на ногу. Потрясла головой, поправила ирокез.

— Значит, так, крокодил. Слушай мои условия. Никакого секса. Ты не лезешь в мою жизнь. Я сама ищу отца. И никаких «милых» вечеров у камина. И чуть-что, пойдешь, в одинокое эротическое. Понял?!

— Согласен, — Сразу кивнул Игорь. — Кроме одного. Я буду в курсе. Ты не делаешь ни шага без моего ведома.

— Не обсуждается.

— Это часть сделки.

Они смотрели друг на друга. Никто не отводил взгляд. Директриса стояла в дверях и гаденько улыбалась. Видимо, знала еще что-то. Про них обоих.

Мишель протянула руку. Игорь пожал её. Рукопожатие крепкое, без кокетства.

— Договорились, — подвела итог она. — Только попробуй меня сдать, престарелый мажорик. Я отрежу тебе всё, что нашла в Интернете. И есть у мужика.

Игорь улыбнулся уголками губ.

— Какая начитанная девочка. Буду знать.

Он вышел из подвала и остановился в коридоре. Глубоко вдохнул запах хлорки и детства. Голова кружилась. Всё было слишком быстро, безумно. Ужасно. Так не бывает в нормальной жизни. Нормальных людей. Он приехал за ответами, а получил дикую жену-панка и тайну. Которая могла разрушить всю его жизнь и погубить множество людей. Ни с того, ни с сего.

Он вспомнил фотографию в кармане, двух мальчишек на крыше.

«Намутил ты, Братик. Мишель. Французенка? Мишель Бронникова. Однако».

И где-то билась мысль. А к нему-то Братик и не пошел. И дочь не отправил. Не доверял? Или было стратегически не верно? Как знать. Как знать. Может, Братик был и прав. Он всегда был прав. Игорь растоптал сигарету. Вот же черт. Не курил уже лет десять, а тут!

И пошёл к вертолёту

Глава 3. ПАНК И МИЛЛИАРДЕР

Дверь за директрисой закрылась. Щелчок тяжелого, советского еще замка прозвучал в тишине тесного кабинета. В воздухе висел запах дешевых чернил, пыльных ковров и вареной капусты, который, казалось, вьелся в стены этого заведения на десятилетия вперед.

Игорь остался один на один с девицей, которая только что швырнула в него жестяную банку из-под энергетика. Банка с глухим стуком катилась по линолеуму, оставив за собой липкую сахарную дорожку. Игорь даже не посмотрел на нее. Его внимание было полностью приковано к фигуре у окна.

Мишель стояла, спиной к нему, уперев лоб в холодное, покрытое сеткой трещин стекло. Смотрела во двор, где уже зажигались тусклые, гудящие фонари. Свет от ламп падал на мокрый асфальт, ржавые качели, облезлый забор. Где-то за тонкой стеной слышался топот, многоголосый крик и визг. Детдом жил своей грубой, выживаемой жизнью, совершенно не замечая драмы, разыгрывающейся в кабинете директрисы.

Игорь медленно выдохнул, чувствуя, как к вискам приливает тупая, ноющая боль. Он привык управлять финансовыми потоками, сживать с лица земли конкурентов и перестраивать рынки. Но эта девчонка с ирокезом и глазами загнанного волка выводила его из равновесия быстрее, чем любые биржевые обвалы.

В его ухе, скрытом за прядью темных волос с легкой проседью, тихо пискнул защищенный канал связи. Громов, глава Департамента специальных рисков, докладывал обстановку.

— Босс, периметр детдома чист, но «гости» уже в городе. Неместные, «деревенская мафия», стягивают силы. Четыре точки контроля на выездах. Они думают, что мы повезем ее через трассу.

— Пусть думают, — мысленно бросил Игорь. — Активация протокола «Тень».

— Понял. Транспорт «Левиафан» уже на позиции в соседнем квартале. Группа прикрытия — бывшие «вымпеловцы», они знают, как работать с «дикими» VIP-персонами. Жду команду на эвакуацию.

Игорь отключил канал. Остался самый трудный момент. Нужно было загнать это юное, колючее, смертоносное чудовище в перевозку. И как-то транспортировать. Для выполнения поставленной задачи. Пришлось вернуться в этот богом забытый кабинет. Вот жеж! Девушка, мать ее, с татуировкой драконов, черепами и других немирных жителей на теле.

Игорь стоял у стола и ждал. Он знал, что она скажет что-нибудь особенное. Что взорвёт воздух между ними. Приготовился. Считаю всех говном и не промажешь. Мерзко, но помогает. Особенно когда имеешь дело с человеком, у которого в голове вместо мозгов — пороховой погреб.

Мишель резко повернулась. Чёрные глаза горели яростью, которую она даже не пыталась скрыть. Ирокез стоял дыбом, словно знамя протеста против всего мира. Косуха с шипами тихо скрипела при каждом движении, металл цеплялся за металл. Смотрела на него так, будто он был не спасителем, а последним надзирателем перед расстрелом. Вот кошка злая. Бешеная.

— Слушай сюда, кроки, — голос её звучал хрипло, с металлическими, надорванными нотками. — Ты, наверное, привык, что все тебе кивают и говорят: «Да, босс». Что деньги решают всё. Ты меня не нанимал, а я не прислуга тебе. И я не буду покорной женушкой жирного кобеля, который купил меня, как подержанную тачку.

Она сказала это с такой интонацией, как будто буквально плевалась ядом. Игорь даже не моргнул. Его лицо оставалось непроницаемой маской. Он смотрел на неё спокойно, изучал лицо, микродвижения мышц, жесты. Она была похожа на зверя в клетке, который готов броситься на любого, кто подойдёт слишком близко. Перегрызть глотку и сдохнуть от потери

крови. Вот только клетка была её собственной. Построенной из недоверия, страха и боли. Из жизненного опыта, который был исключительно негативным.

— Хорошо, — согласился он, голос был бархатистым, что бесило её еще больше. — Не будешь. Но тогда ответь мне на один вопрос.

— Какой? — она скрестила руки на груди, защищаясь. — Готова ли я сдохнуть? Готова. Я не боюсь смерти. Мне всё равно.

— Господи! Что за мысли, дорогая женушка! — Игорь позволил себе легкую, саркастичную усмешку. Увидел — попал в болевую точку. — Я не спрашиваю о смерти. Спрашиваю о жизни. Ты сможешь защитить себя сама? Одна? И не загадить всем вокруг жизнь? Скумбрии, например? Твоему единственному человеку здесь?

Она усмехнулась. Криво, зло, одними уголками губ. Глаза сузились.

— Я могу защитить себя лучше, чем ты думаешь, толстосум. Я много чего могу. Семья у нас была, с особенностями. Плюс годы тренировок. И Скумбрия не забудка, как ты себе представляешь в своих пентхаусах.

— Это не ответ, — нарочно безразлично протянул Игорь, делая шаг ближе. — Ты можешь защитить себя? От картеля, который потратил двадцать лет на охоту за твоей семьей? От тех, кто знает о твоём существовании и хочет использовать тебя как ключ? А детдом? Пусть все идет прахом, когда сюда придут люди в масках? А ты такая, гордая и красивая, будешь смотреть на это с того света? В наше-то беспокойное время.

Мишель промолчала. Игорь видел, как напряглась линия её челюсти. Как она пытается подобрать слова, но не находит. Потому что он был прав. Она это знала. Её тактический ум, унаследованный от матери-шпионки, рисовал ей картины одна страшнее другой. Но признать это вслух, перед ним, она не хотела. Гордость не позволяла.

— Ты не знаешь меня, — голос уже не был таким твёрдым, в нем появилась опасная хрупкость. — Ты не знаешь, что я умею. И что пережила.

— Ты умеешь кидаться банками, — отрезал Игорь, в голосе мелькнула лёгкая, почти отеческая ирония. — Полезный навык. Но недостаточный, чтобы выжить. Даже самой.

Она сжала зубы так, что ходуном ходили скулы.

— Я не шучу, — Игорь смотрел на нее равнодушно, хотя внутри всё сжималось от того, как сильно он давил. Времени на игры совсем не осталось, «деревенская мафия» наподходе. — Я получаю возможность выполнить свою клятву. Ты — то, что там тебе нужно. Для того, чтобы быть защищенной. Какое-то время. Никто не вечен. И все. Нужно уходить. Сейчас. Нельзя болтаться тут и делать вид, что никто не сможет нас заметить. И Скумбрию подставлять — поганое дело. Ты здесь не одна такая. Уверю тебя. За тобой уже выехали.

Она подошла к нему. Вплотную. Он мог видеть каждую татуировку на её шее, дырочку от пирсинга, шрам. От неё пахло не розами и не дорогим парфюмом. От неё пахло дешевым пивом, порохом, дождем и страхом. Но она смотрела на него сверху вниз, хотя была ниже на целую голову. Братикова нестигаемая натура. Кровь не водица.

— Ты думаешь, что спасаешь меня, — процедила она сквозь зубы, глядя прямо в его серые, льдистые глаза. — Но ты спасаешь только свою совесть. Тебе нужно искупить то, что ты не смог сделать для него.

Упоминание Братика ударило Игоря под дых. Он не подал виду, но внутри все похолодело.

— Может быть, — он не стал спорить. Зачем врать? — Но клятва для меня — это всё. Что у меня есть. Для себя. Кровь на крови.

Она смотрела на него. Резко её кисть сжалась в кулак, и она ударила его в челюсть. Удар был быстрым, хлестким, поставленным. Игорь, благодаря годам тренировок, успел подставить блок, приняв удар на предплечье, но она уже ныряла под его руку и подсекала ногу. Он качнулся, едва удержался на ногах, чувствуя, как тяжелые ботинки цепляют его лодыжку. Схватил

её за запястье, чтобы остановить следующий удар — она целилась ему в горло. Она вывернулась, используя его же инерцию, и бахнула локтем в грудь.

Ого. Больно. Игорь охнул, но не отпустил её руку. Железной хваткой он зафиксировал её сустав.

Они замерли. Она пыталась вырваться, извиваясь как угорь. Он держал. Между ними было расстояние в ладонь. Он смотрел в её глаза — чёрные, дикие, полные бешенства и слез. Она смотрела в его — серые, тяжелые, останавливающие.

— Отпусти, — прорычала она, и в этом звуке было столько ненависти, что можно было резать стекло.

— Угомонилась? Дай слово, что все. Что не будешь ломать мне ребра, я их уже чинил.

— Дай слово, что не будешь меня лапать.

— С мальчиками своими играй в Никиту. Я не лапаю. Больно надо. Ты мне не жена, ты мне — проблема, которую нужно упаковать и вывезти.

— Пусти, кроки!

Он отпустил. Она отшатнулась, поправила косуху, растирая запястье. Дышала тяжело, грудь часто вздымалась. Потом усмехнулась — криво, сверкнула черным, безумным глазом. В её взгляде мелькнуло что-то новое. Уважение?

— Ты не так прост, толстый.

— Ты тоже, — поморщился он, массируя грудь. — Ты мне что, руку ломала?

— Могла бы. У меня связки как сталь.

— Крези. Поверю на слово. В следующий раз буду носить кирасу.

— Ты всё равно не понимаешь, — проскрипела она, отступая на шаг. — Я — актив. Не хочу, чтобы перепродавали, из рук в руки. Знаю, чем заканчивается. Видела, как ломали таких, как я.

— Я не собираюсь тебя продавать, — тихо, но весомо произнес Игорь. — У меня достаточно собственных активов, от нефтяных вышек до серверов в Рейкьявике. Ты мне не товар. Ты — мой долг. Давай заканчивать. Время вышло.

Она повернулась. Недоверчиво посмотрела на него, пытаясь поймать на лжи. Но Игорь Бронников не умел врать. Он умел только управлять правдой.

— Да ты философ, кроки, — выдохнула она.

— Нет, я просто одинокий миллиардер с обостренным чувством долга.

Мишель подошла к столу. Села на край, болтая ногами в тяжёлых, исцарапанных ботинках Dr. Martens. Не смотрела на него, разглядывая какую-то метку на линолеуме.

— У моей матери была подруга, — прорговорила она тихо, не поднимая головы. — Долго работали в паре. Прикрывали друг друга. И все дела. Делили последний патрон и воду. Потом, подруга её сдала. Зато, заключила выгодный контракт с теми, кто на них охотился. Так что, извини, но кровью и клятвами меня не купишь. Я знаю цену.

Игорь молчал. Смотрел на неё и видел Братика. Те же черные глаза, усмешка, готовность умереть, но не сдаться. И внутренний огонь, который не могла погасить никакая стихия.

— Я не твоя мать, — сказал он мягко, но твердо. — И не её подруга. Я не продаю своих. Нам надо уезжать. А все эти лишние разговоры — финики. Достаточно. Я сказал.

Она глянула на него. Потом спросила, и в её голосе впервые за весь вечер не было яда:

— Ты правда готов умереть за меня? Ради него?

— Кривда, — уже начинал он закипать, чувствуя, как усталость подступает к горлу. — Разница есть? Умирать за идею или умирать за клятву? Для меня разницы нет.

Она покачала головой, и черные пряди ирокеза упали на глаза.

— Нет. Ты такой же псих, как и я. Только в дорогом костюме.

— Тогда мы друг друга стоим.

Мишель засмеялась. Подозрительно искренне, коротко.

— Да ты придурок, Бронников.

— Ты тоже, — отозвался он. — И пахнешь дешёвым пивом и подвалом. Психбольницей.

Она моргнула. Не ожидала такой реакции. Обычно люди либо боялись её, либо пытались «спасти» с жалостливыми гримасами.

— А ты — дорогим говном, кроки. Колодой сандала и скукой.

— Взаимно.

Они смотрели друг на друга. Напряжение между ними, висевшее в воздухе, как наэлектризованная пыль перед грозой, немного спало.

— Ладно, давай жениться, — она прыгнула со стола. — Только без дураков! Никаких колец, клятв у алтаря. Просто подпись на бумаге, чтобы отстали.

Он встал, подошел к ней. Пожал её руку. Крепко, по-мужски, вкладывая в это рукопожатие весь свой вес и уверенность. Она сжала в ответ — не слабее. Пальцы были жесткими, как стальная проволока. И в этот момент между ними проскочила искра. Не романтическая, а искра признания. Два хищника, понявшие, что в этой стае они могут выжить только вместе. Она отвела взгляд первой. Девочка, как никак. Еще маленькая и глупая в своих попытках казаться взрослой и жестокой.

— Так что, завтра в ЗАГС? — спросила она уже на ходу.

— Завтра в ЗАГС. Мои юристы уже подготовили бумаги.

— Я буду в косухе. И с фингалом, если ты меня не устроишь.

— Не сомневался.

Она направилась к двери. Остановилась на пороге. Не оборачиваясь, сказала в пространство:

— Мерси, кроки. За то, что не сдал.

— На здоровье! — бросил он ей в спину.

Потом они быстро спустились по пожарному ходу, который для них заранее оставили открытым. Дождь моросил, смывая грязь с ржавых перил. Внизу, в тени старого тополя, их уже ждала охрана. Но это была не та охрана, которую видят папарацци.

Транспортировка началась. Дай бог. Дай бог, чтобы «деревенские» купились на ложный конвой, который с ревом моторов уже несея по трассе в противоположную сторону, принимая на себя все их внимание.

Игорь достал из внутреннего кармана пиджака, который теперь был слегка помят после локтя Мишель, старую фотографию. Уголок был надломлен, бумага пожелтела от времени. Двое пацанов на крыше детдома. Один худой, с ободранной коленкой, другой — постарше, с серьезным лицом, обнимающий его за плечи. Братик.

Игорь провел большим пальцем по лицу брата. На его ладони, под дорогой тканью рубашки, белел тонкий шрам. Шрам от клятвы на крови, которую они дали друг другу.

Он убрал фотографию, закрыл глаза на секунду, собираясь с мыслями. Затем открыл их, превращаясь из человека, помнящего прошлое, в холодный, расчетливый механизм. Который будет строить будущее.

В небе, за густыми тучами и городской засветкой, едва пробивались новые, холодные звёзды.

Игра только начиналась.

Глава 4. Свадьба как операция

Ночь провели в загородном доме. Подальше от ненужных глаз. Игорь проснулся в пять — без будильника, как всегда. Лёг на спину, уставился в потолок и попытался осознать. Он женится. На девушке, которую знает меньше суток. На панке с ирокезом, которая вчера швыряла банками и пыталась сломать ему челюсть.

Он усмехнулся. Впервые за много лет его жизнь перестала быть предсказуемой. И надежной. Принял душ. Надел костюм — строгий, пепельный, без галстука. Посмотрел в зеркало. Тёмные волосы с сединой на висках, серые глаза, лёгкая небритость. Он выглядел человеком, который идёт на деловую встречу. Что, в общем-то, было правдой. Сделка. Формальная, холодная, необходимая.

Мишель уже ждала его. Внизу, у выхода. Стояла, прислонившись плечом к стене и брезгливо пила кофе из тонкой белой чашки. Увидев его, скривилась.

— Ты вырядился, как на похороны.

— А ты — как на концерт, — парировал, окидывая взглядом её наряд.

На ней была косуха. Но не та, что вчера — с шипами и черепами. Другая. Когда-то это было платье — длинное, с кружевами и корсетом. Мишель перешила его вручную, за ночь. Отрезала подол, приляпала нашивки панк-групп, добавила заклёпки и цепочки. Ирокез стоял дыбом, пирсинг блестел в утреннем свете. Она выглядела почти как невеста. С другой планеты.

— Моё свадебное платье. Ручная работа. — объявила она с вызовом. — Нравится?

— Оригинально.

— Это был комплимент?

— Наблюдение.

— Ты хочешь быть милым, кроки?

— Не вижу в этом необходимости.

— Я заметила.

Она допила кофе, со стуком водрузила чашку на ближайшую поверхность. Посмотрела на него с усмешкой.

— Ну что, поехали? Или без нас не начнут?

Они вышли на крыльцо. У входа стояли три чёрных машины. Бронированный Mercedes S-Class и два внедорожника с охраной. Мать уже сидела в машине — элегантная, в шляпке с вуалью и с неизменной тонкой сигаретой в мундштуке. Увидев Мишель, она улыбнулась.

— Какая прелесть, — проскрипела она, не скрывая иронии. — Наконец-то у моего мальчика будет кто-то, кто заставит его страдать.

Игорь закатил глаза. Мишель фыркнула.

— Я уже приступила, Ирина Борисовна.

— Замечательно! Вот и молорик!

Полина Андреевна вышла последней. На ней было строгое тёмное платье, брошь-стрекоза на груди, в руках — старый портфель. Она посмотрела на Мишель и покачала головой.

— Ты похожа на чучело, паршивка.

— Я невеста, Полина Андреевна.

— Угу. В машину садись.

Мишель забралась в Mercedes. Игорь сел рядом. Водитель — Глеб, лысый, массивный, со шрамом через бровь — глянул в зеркало заднего вида.

— Готовы, босс?

— Поехали, — проворчал Игорь.

Кортеж тронулся. Дом остался позади, исчез в серой пелене зимнего утра. Игорь смотрел в окно на заснеженные поля, чёрные стволы деревьев. Пытался понять, что он чувствует. Ничего. Пустота. Холод. Но внутри поселилось незнакомое или хорошо забытое чувство. Чужое. Он не знал, как это назвать.

— Ты еще и молчун? — спросила Мишель, не глядя на него.

— Я такой.

— Скучный кроки. Упс.

— Нам не обязательно общаться.

— Обязательно, — настырно настаивала она. Черный глаз вспыхивал бешеной искрой.

— Я твоя жена, забыл?

Он усмехнулся.

— Еще невеста. И жена-то, фиктивная.

— Эт я помню. Чтоб выглядело правдоподобно, тебе придётся иногда общаться.

— Не умею. И я очень занятой человек.

— Научится не сложно. Просто подними уголки губ и не смотри как жопа на ежа.

Она повернулась к нему и улыбнулась. Широко, искренне, почти насмешливо. Игорь на секунду потерял дар речи. Она была похожа на Братика. Те же черные глаза, та же усмешка. Он отвернулся к окну.

— Ты похожа на отца, — неохотно проворчал он.

— Ты его помнишь?

— Я помню всё.

Она замолчала. За окном мелькнули указатели. Пункт назначения был в пяти минутах.

Здание оказалось безликим, как и было обещано. Пригородный районный ЗАГС. Сталинская архитектура, колонны. Внутри — красные дорожки, лепнина на потолке, портрет президента на стене. Регистраторша встретила их нервной улыбкой. Помощник Игоря умел договариваться с людьми в особых обстоятельствах.

— Прошу, проходите, — бесконечно улыбаясь и кланяясь предлагала она, поправляя очки.

Церемония длилась семь минут. Мишель стояла рядом с Игорем, руки скрещены на груди, взгляд вызывающий. Регистраторша что-то быстро проговорила о любви, верности и о том, что брак — это священный союз. Игорь слушал вполуха. Он смотрел на Мишель и думал, как странно складывается жизнь. Три дня назад он был один. Теперь он был женат на дочери своего названного брата. Живого, мертвого... Пойди, разбери.

— Объявляю вас мужем и женой, — облегченно закончила регистраторша и вытерла пот со лба. — Можете поцеловать молодую.

— Только сунься, — прошипела Мишель.

Игорь не поцеловал её. Не захотел. Он просто кивнул. Ирина Борисовна, стоявшая в углу, усмехнулась и закатила глаза. Это у них наследственная реакция. На абсурд.

— Всё? — спросила она. — Я ждала большего.

— Спокойствие, Ирина Борисовна, — утешил ее Игорь. — Всеу своё время.

Они вышли из ЗАГСа. Снег валил хлопьями. Кортёж ждал у входа. Глеб открыл дверь Mercedes, и Игорь с Мишель сели на заднее сиденье.

— Домой? — спросил Глеб.

— Да. В центр, — кивнул Игорь.

Кортёж тронулся.

Дорога была скользкой. Снег падал не переставая, дворники едва справлялись. Игорь смотрел на дорогу и думал о том, что его жизнь только что изменилась. Он женат. У него была жена. Пусть фиктивная, временная, но она существовала. И даже грызла ногти, рядом на сидении.

— Чего печальный? — мерзким голосом поинтересовалась Мишель. — Боишься, съём? Правильно.

— Опасаюсь, что убьёшь во сне.

— Не. Ты мне нужен живым.

— Обнадёживает.

Она усмехнулась и отвернулась к окну. Снег валил всё сильнее. Дорога была почти пустой — только их кортеж и редкие встречные машины.

Первый удар пришелся в стекло. Оно выстояло. Ну, не просто так. Сделано специально для таких вот ситуаций.

Сначала был звук — глухой, металлический, как удар кувалды по железу. Потом визг тормозов. Крики. Он оглянулся — машина охраны, ехавшая сзади, была протаранена. Чёрный внедорожник врезался в неё сзади и выбросил на обочину.

— Уходим! — крикнул Глеб.

Второй внедорожник появился слева. Он шёл наперерез, пытаясь заблокировать их. Игорь сжал кулаки. Сердце забилося быстрее, но лицо оставалось спокойным. Он не первый раз оказывался в такой ситуации. Привык к контролю.

— Пристегнись, — велел он Мишель.

— Уже, — ответила она. — А ты?

— Да.

— Тогда молись.

Внедорожник ударил их сбоку. Машина вильнула, заскользила по мокрому асфальту. Глеб пытался выровнять руль, но не справлялся. Игорь увидел, как второй внедорожник выходит из заноса и готовится к новому удару.

Мишель резко кинулась вперёд. Схватила руль. Дёрнула на себя так резко, что машина развернулась на сто восемьдесят градусов и пошла юзом.

— Ты чего?! — заорал Глеб.

— Заткнись! — гаркнула она в ответ.

Окончательно вырвала руль из рук водителя и вдавила газ. Машина взревела, развернулась, ударила преследователей передним бампером. Внедорожник отлетел в сторону, зацепил обочину, перевернулся. Второй — тот, что таранил их сзади — замедлился, пытаясь развернуться.

— Тормози! — рявкнул Игорь.

— Я знаю! — теперь Мишель дала по тормозам так резко, что они влетели в сугроб. Машина встала. Она выскочила наружу, оставив дверь открытой.

— Ты куда?! — Игорь попытался схватить ее. Напрасно. Только отмахнулся.

Она уже была снаружи. В руках — монтировка. Откуда взяла? Игорь не знал. Он смотрел и не верил своим глазам.

Из перевёрнутого внедорожника выбирались двое. В балаклавах, с оружием. Мишель подскочила к первому, когда он только пытался встать на ноги. Ударила монтировкой. Он упал лицом в снег и больше не двигался.

Второй, видимо, выстрелил. Пуля чиркнула рядом. Мишель крутанулась, сократила расстояние, и ударила снова. На этот раз по руке. Оружие отлетело. Она умудрилась пнуть его в живот, потом в голову. Упал, она махнула монтировкой. Глухой звук. Тело затихло.

Очнулась охрана. Визг тормозов, рев двигателей. Несколько выстрелов.

Игорь махнул рукой. Ок. Все ок. Пригляделся, увидел мать и Полину. Обе в норме. Теперь действительно, все ок.

Два человека лежали на снегу. Мишель стояла над ними, тяжело дыша. Ирокез сбился набок. На белой косухе — следы чужой крови. Она смотрела на Игоря и криво усмехнулась.

— Я же говорила — не лезь.

Игорь подошёл к ней. Посмотрел на разбитый внедорожник, на тела в снегу. На монтировку, валяющуюся рядом. Потом перевёл взгляд на неё. Ирокез, пирсинг, косуха, следы крови на руках. И глаза — спокойные. Как у человека, который знал, что делал. И не в первый раз. Да уж. Засиделся ты, Игорь, в офисах. Обрюзг. Постарел.

— Ты... — он не мог подобрать слов.

— Что? — она подняла бровь. — Давно не видел крови, кроки?

— Видел. Но не в исполнении моей жены.

— Ну, хоть знаешь, на ком женился, — пренебрежительно повела она головой. — Запомни.

Она подошла к внедорожнику, подняла монтировку и вернулась к машине. Села на заднее сиденье, захлопнула дверь. Посмотрела на Глеба, который сидел с открытым ртом.

— Мне опять за руль? Ты ехать будешь? — деловито спросила она.

Глеб переглянулся с Игорем. Тот молча сел в машину.

— Поехали, — велел он. — Достаточно на сегодня.

Кортеж продолжил путь. За окном — снег, разбитые машины, тела. Мишель сидела спокойно, дремала. Как будто ничего и не произошло.

Игорь смотрел на неё и не узнавал.

— Говоришь, восемь лет в подвале? Бедная пленница?

Мишель недовольно пожевала губами. Но не повернулась к нему.

— Ну, Полина по своим каналам устраивала меня в пару кружков и секций. По интересам. Кройки и шитья, например. И, опять же, благодаря ей мне иногда подкидывали работенку. Чисто на чулочки и шоколад. А база — да. База у меня мамина. Она была супер. Суровая женщина, не эмоциональная. Вы бы нашли общий язык. Ну и отец, пока мог, передал немного семейных хитростей. Когда был с нами. Потом — только инструктивно.

Игорь отвернулся к окну. Внутри — холод, страх, уважение. Смесь, которую он не мог объяснить.

— Ты как Братик, — тихо обронил он.

— Не. Я лучше, — безразлично ответила она. — Он романтик. Я другая. А буду — супер.

Он промолчал. Смотрел на снег и думал. Его жизнь никогда уже не будет прежней.

А, может, и слава богу?

Глава 5. ПАНК В ЗАМКЕ

Особняк встретил их тишиной. Не просто отсутствием звука, а идеальной, стерильной, вылизанной до атомного блеска тишиной. Которая висела в воздухе, как дорогой, нишевый парфюм с нотками озона и холодного камня. Тишина денег. Огромных, абсолютных, подавляющих денег.

Холл был пространством, где архитектура кричала о власти. Стекло, полированный бетон, строгие линии, уходящие в двойную высоту потолка. Никакого декора, лишних вещей. Удобный белый диван, который стоил как полсамолета. Итальянская лампа, похожая на застывшую каплю ртути. Одна-единственная картина на стене — абстракция, в которой угадывалась буря. Только вот стену построили специально, под эту картину. Вписали в дом, потому что она стоила ой-ой-ой на аукционе в Нью-Йорке. И Игорю понадобилось место, где её можно повесить.

Мишель остановилась на пороге. Её тяжелые ботинки на толстой рифленой подошве замерли над безупречным белым мрамором. Она медленно огляделась, черные глаза с вечными, глубокими синяками под ними сузились. Она сканировала пространство не как гостя, а как сапер, оценивающий поле боя. Повернулась к Игорю с выражением лица, которое он уже начал узнавать. Это было выражение абсолютного, презрительного отторжения.

— А, трудятся, — протянула она, её голос с хрипотцой звучал в этом зале кощунственно громко. — Вылизывают тут всё, что ли? Каждый день? Лижут мрамор языком, как собаки?

— Кому положено, те и следят за порядком, — неприязненно ответил Игорь. Он уже чувствовал, как начинает болеть висок. Эта манера ставить под сомнение всё, к чему он прикасался, бесила его. Но еще больше бесило то, что он не мог найти, что возразить.

— Поди, два раза в день? — она присвистнула, и звук этот был наполнен яда. — И ты не сходишь с ума, кроки? Живешь в музее для богатых мертвецов?

— Я привык, — сухо бросил он, расстегивая пиджак.

— Эт не привычка, кроки. Это клиническая смерть души, — отрезала она.

Игорь не стал спорить. В его ухе, скрытом за прядью темных волос с легкой проседью, тихо пискнул защищенный канал связи. Громов, глава Департамента специальных рисков, докладывал обстановку. Периметр особняка был взят под контроль. Но «гости» — та самая «деревенская мафия», осмелевшая от легких денег и чувства безнаказанности в своем регионе — не спали.

— Босс, их разведка крутится вокруг поселка. Три машины, пытаются снять тепловизором периметр.

— Пусть смотрят, — мысленно бросил Игорь, не меняясь в лице. — Включи систему «Мираж». Пусть их тепловизоры видят двадцать человек с собаками на стенах. А реальные группы перехвата переведи в режим «Тень». Если кто-то пересечет лесополосу — глушить связь, бить по двигателю, брать живым только лидера. Остальных — в расход. Я не хочу, чтобы они думали, что могут подойти ближе, чем на километр.

— Понял. Кибер-отдел уже взламывает их бухгалтерию. К утру они останутся без денег на бензин.

— Хорошо.

Игорь отключил канал, возвращаясь в реальность. Мишель тем временем совершила первый акт вандализма. Она скинула ботинки прямо у входа. Тяжелые, грязные Dr. Martens с металлическими вставками остались лежать посреди белого мраморного пола. Как две черные, жирные кляксы на чистом листе бумаги.

Игорь посмотрел на ботинки. Потом на неё. Он мог бы приказать охране вышвырнуть обувь на улицу. Мог бы потребовать соблюдения этикета. Но он посмотрел в её глаза — дикие, вызывающие, готовые к драке — и ничего не сказал. Он уже понял, что бороться с ней бесполезно. Она была не гостьей. Стихийным бедствием, которое он сам же и пригласил в свой дом. Оказывается, он любил свой дом.

— Где моя комната? — спросила она, продолжая смотреть ему в глаза.

— На втором этаже. Первая дверь направо. Камера наблюдения отключена, можешь чувствовать себя как в берлоге.

Она фыркнула, поднялась по лестнице, не оглядываясь. Шлепая босыми ногами по ступеням, оставляя на идеальном белом камне едва заметные, но сводящие с ума разводов следы. Игорь остался в холле. Слушал, как её шаги разносятся по коридору. Он знал, что эта ночь станет началом чего-то нового. И, если быть до конца честным с самим собой, он боялся. Не её. А того, что она сделает с его выстроенным годами порядком.

Мишель вошла в гостевую спальню и замерла. Белые стены. Белая кровать с идеально накрахмаленным бельём, пахнущим лавандой. Белые шторы, белый пушистый ковёр, белая мебель. Никаких теней. Никаких углов, где можно спрятаться. Это была не комната. Это была больничная палата для богатых. Где лечат не тело, а лишают воли.

— Что за склеп? — спросила она в пустоту. И её голос дрогнул от внезапной, иррациональной злости.

Она подошла к стене, провела пальцем по идеально гладкой, холодной поверхности и скривилась. Потом открыла встроенный шкаф, достала всё бельё — тонкое, шелковое, бесполезное — и свалила в кучу на полу. Кровать она с усилием сдвинула к стене, сняла матрас и бросила его в центр комнаты. Остатки мебели — тумбочки, кресло, журнальный столик — она просто выволокла в коридор, создавая баррикаду.

Через час комната выглядела иначе. Стены были чёрными. Матовыми, поглощающими свет. Она нашла в подвале, куда пробралась, обойдя датчики движения. Громов потом докладывал, что она просто закоротила их мультитулом через вентиляцию. Баллоны с промышленной краской и перекрасила их за сорок минут. Не заботясь о том, куда падают капли. Краска легла на белые стены неровными, грубыми мазками, как шрамы.

Игорь сидел в своем кабинете на первом этаже, глядя на мониторы. Охрана, мажордом и пара горничных бегали по коридорам с вытаращенными глазами, ожидая приказа остановить безумие. Игорь нажал кнопку интеркома.

— Не мешать ей. Пусть делает что хочет. Все, что попросит — найти и дать. Нет — купить, доставить и дать.

— Но, господин Бронников, она уничтожает интерьер...

— Я сказал, не мешать.

Пусть веселится. Создает вокруг себя темноту, если в белых стенах ей слишком страшно. Игорь понимал это лучше, чем она думала. Сам когда-то, после детдома, годами спал в комнате без окон, потому что боялся открытого пространства.

На стенах её комнаты висели плакаты Sex Pistols, The Clash и The Exploited. В углу, словно насмешка над всем этим капитализмом, стоял бюст Ленина. Вот его она тоже нашла в подвале, и притащила сюда. Паразитка. На полу лежал матрас, покрытый чёрным пледом. Везде валялись схемы, платы, разобранный ноутбук и несколько армейских фляг.

Она остановилась в центре комнаты, оглядела свою работу, вытерла испачканные в краске руки о джинсы и улыбнулась. Была страшно, по-детски довольна.

— Теперь похоже. На дом, — прошептала она.

Игорь пришел к этому Содому, когда персонал наконец перестал бегать туда-сюда с паническими глазами. Он постучал в дверь. Не дождался ответа и вошёл. Замер на пороге. Чёрные

стены, бюст вождя мирового пролетариата, плакаты панк-групп. Комната выглядела как логово безумного подростка-гота. Что почти соответствовало действительности.

— И что ты сделала? — спросил он, приподнимая бровь. Стараясь, чтобы в голосе не звучало восхищения её наглостью.

— Исправила, — нагло глядя ему в глаза, ответила Мишель. — Я люблю исправлять чужие ошибки.

Сидела на матрасе, скрестив ноги, и разбирала какой-то прибор. На коленях — плата, в руках — отвёртка. Она не смотрела на него, но он чувствовал её иронию. Густую, как её запах — табак, краска и что-то металлическое. Игорь вздохнул. Знал, что спорить бесполезно.

— Ладно. Только не взрывай дом. У меня тут серверная на цокольном этаже.

— Не обещаю. Но попробую, — буркнула она, не поднимая головы.

Он закрыл дверь. Мишель усмехнулась, поправила ирокез и вернулась к своей плате. Это был датчик движения, который она перепрошивала. Чтобы он не реагировал на её перемещения по дому. Она встраивала себе слепые зоны в его системе безопасности. Он узнал об этом только через два дня, когда Громов с побелевшим лицом доложил о «госте в системе». Игорь тогда только усмехнулся.

Утром Игорь спустился на кухню. Он просыпался в пять утра, как всегда, без будильника. Его тело было машиной, подчиняющейся ритму. Он не пил молочные коктейли — один вид белого, сладкого напитка вызывал у него тошноту и воспоминания о детдомской столовой. Только черный кофе. Горький, обжигающий.

На столе, на идеальной мраморной столешнице, стояла чашка с кофе. Рядом — смятый листок бумаги, вырванный из какого-то технического журнала. Записка: «Здесь нет нормального пива. Исправь».

Игорь прочитал, усмехнулся уголками губ и выбросил записку. Через час в особняк привезли ящики дешевого, жестяного пива. Через шлюзовую камеру, которую охрана восприняла как покушение на государственный секрет. Мишель встретила его в холле, схватила банку, открыла с громким щелчком и одобрительно кивнула Громову. Который стоял рядом, пытался не смотреть на её татуировки.

— Учишься, кроки, — бросила она Игорю, проходя мимо.

— Не называй меня так, — сердито бросил он ей в спину.

— Тогда перестань быть таким кроки. Слишком правильным. Таким мертвым внутри.

Она сделала глоток, морщась от вкуса. Игорь смотрел на неё. Его жена пьёт пиво в его холле, оставляет кольца на мраморе и перекрашивает стены в чёрный цвет. Дожил. Миллиардер Бронников, которого боятся министры, стал заложником девчонки-панка. И самое страшное было в том, что его это не раздражало. Это его будоражило. Да она ему в дочери годится!

Днём горничная вошла в гостиную и застала Мишель с разобранным тостером. Детали лежали на стеклянном столе, провода торчали во все стороны, рядом лежал мультитул. Горничная ахнула и попятилась, прижимая к груди руки.

— Что вы делаете?! — пискляво спросила она, глядя на Мишель как на прокаженную.

— Чиню, — зажимая в зубах зачищенный проводок, ответила Мишель. — Он сломан. Термостат глючил, грел только левую сторону. Бесит.

— Мы вызовем мастера! Из сервиса!

— Угу. Я и есть мастер, — пробормотала Мишель, скручивая провода. — Только я ещё и модифицирую его. Теперь он будет тостером, а если нажать кнопку два раза — жучком для прослушки. На всякий случай.

Горничная побледнела и выбежала из комнаты. Мишель усмехнулась, выплюнула проводок и продолжила возиться с платой. Игорь, наблюдавший за этим через камеру, понял, что она не шутит. Она действительно превращала бытовую технику в средства контрразведки. Она не доверяла этому дому. Готовилась к осаде.

Вечером Игорь вернулся из офиса. В холле играла музыка. Громкая, агрессивная, с грязными гитарными рифами, от которых вибрировали стекла. Он узнал Sex Pistols. «God Save The Queen». Поднялся в гостиную и увидел Мишель, которая стояла у проигрывателя — раритетной, дорогой аудиосистемы, которую он купил, потому что она стоила как автомобиль. И не слушал ни разу. Она задумчиво крутила диск, что-то подпавая проводами прямо к усилителю.

— Ты даже аудиосистему починить не можешь? — презрительно бросила она, обернувшись. — Она стояла сломанная лет пять. Лампы в усилителе сгорели, а ты даже не заметил.

— У меня нет времени на музыку, — холодно ответил он, чувствуя, как от басов начинает пульсировать шрам на ребрах.

— Это заметно, — кивнула она, вытирая руки о джинсы. — Ты не живёшь, кроки. Ты существуешь. Как этот дом. Картина. Как твоя охрана.

— А ты живёшь? — тихо спросил он, делая шаг к ней. — Ты живёшь, или ты просто бежишь? От всего, от всех, от себя?

Она замерла. В её глазах мелькнула боль, которую она мгновенно скрыла за маской цинизма.

— О, да! — громко сказала она. — И я выживаю. Разные вещи, крокодил. Ты выживаешь, потому что у тебя есть деньги и Департамент рисков. А я выживаю, потому что я быстрее, злее и мне нечего терять.

Она включила музыку на полную мощность. Гитара зазвучала так, что задребезжали окна. Игорь поморщился, но ничего не сказал. Он развернулся и ушел в свой кабинет, где его ждали сводки от Громова. «Деревенские» попытались перехватить одну из его машин на трассе. Машина была пустая. Боевиков нашли в лесу. С простреленными коленями и отображенными телефонами. Игорь подписал приказ о полной финансовой и физической ликвидации их лидеров к утру. Он делал это с холодным лицом, но в голове звучали не сводки, а её слова: «Нечего терять». Ей было что терять. Она просто боялась это найти.

Они встретились на кухне поздно вечером. Дом затих. Охрана сменила посты. Периметр был под замком. Игорь пил виски, Мишель — дешёвое пиво. Сидели по разные стороны высокой барной стойки и смотрели друг на друга. Между ними лежала бездна в два метра мрамора и двадцать лет разницы в возрасте, опыте, мире.

— У меня есть правила, — начал Игорь, глядя в свой бокал.

— Какие? — она прищурилась, ожидая подвоха.

— Тишина после одиннадцати. И не тащи в дом оружие. Я знаю, что ты пронесла нож.

Мишель засмеялась. Звонко, искренне, так, что Игорь невольно посмотрел на неё.

— Правила для тех, кто боится, кроки. Тишина нужна, чтобы слышать, как тикает бомба под твоим домом. А оружие...

— Я не боюсь, — перебил он.

— Боишься, — мерзким, шепелявым голосом парировала она, передразнивая его. — Всего. Особенно жизни. Ты сидишь в этом бункере, окруженный пуленепробиваемым стеклом, и думаешь, что ты в безопасности. А ты просто в могиле. Сам себя заколотил.

Игорь сжал бокал. Хотел возразить, вышвырнуть её, но понял, что она права. Он боялся. Боялся потерять ещё кого-то. Как умерли все, кого он любил.

— Ладно, — он решил уступить, потому что спорить с ней было как бить кулаком по воде. — Тишина не обязательна. Но не взрывай дом. И оружие оставь в комнате.

— Не обещаю. Но попытаюсь, — она подмигнула ему.

Он усмехнулся. Впервые за день.

Ночью Игорь не мог уснуть. Он встал, накинул халат, прошёл по коридору и остановился у двери Мишель. Дом спал. Камеры показывали пустые коридоры. Он приоткрыл её дверь без стука, стараясь не скрипеть петлями.

Увидел, что она спит на матрасе, сжавшись в комок. Подтянув колени к груди. Она казалась совсем маленькой. Ирокез растрепался, лицо было расслабленным, но даже во сне оно носило отпечаток тревоги. Рядом с подушкой, на чёрном пледе, лежал нож. Не большой, тактический. Керамический клинок, который не звенел на рамке металлодетектора. Она протаскала его в дом. После тщательного досмотра. Черт подери, всю охрану вон! Она обошла его систему. И была лучше.

Игорь смотрел на неё, и в груди шевельнулось что-то теплое и болезненное. Он хотел накрыть её одеялом. Забрать этот нож и выкинуть его. Но не мог. Это было её единственное правило выживания.

Он тихо потянулся, чтобы закрыть дверь.

— Спокойной ночи, кроки, — раздался её сонный, хриплый голос из темноты. — Что, супружеский долг зовет? Так, дверь-то открыта. И ты у себя дома. Заходи, если не боишься.

Игорь замер. Она не спала. Или проснулась.

— Не называй меня так! — прошипел он, не оборачиваясь. Чувствуя, как к лицу приливает жар, которого не испытывал с подросткового возраста.

И услышал её тихое, хихиканье.

Он закрыл дверь. Вернулся в свою спальню, сел на край огромной, пустой кровати и долго смотрел в потолок. В голове крутились мысли о ликвидации «деревенских», сводках Департамента, биржевых индексах. Но поверх всего этого было лицо девчонки, в комнате с чёрными стенами и керамическим ножом под подушкой.

Вот как с ней общаться, нормально?! Что вообще с ней делать. Она ломала его дом, правила. Вынесла ему весь мозг! Она была хаосом, который он не мог контролировать.

Ладно. Завтра будет новый день.

И новый хаос.

Игорь, сам того не признавая, уже ждал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.